

А.В. Багаев

Презумпция лжи

Александр Владимирович Багаев

Презумпция лжи

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27072831

*Презумпция лжи: Институт системно-стратегического анализа
товарищество научных изданий кмк, 344 стр.; Москва; 2016
ISBN 978-5-9908587-7-0*

Аннотация

Работа А.В. Багаева посвящена историческим событиям, сознательно искажённым историками, политиками, заинтересованными наблюдателями. Историческое расследование автора обнажает многие скрытые механизмы исторического процесса и проливает свет на биографии и реальную роль целого ряда персон – известных и не очень. Мир не таков, каким он кажется – этот тезис книга А.В. Багаева демонстрирует со стеклянной ясностью.

Содержание

Предисловие. А.И. Фурсов[1]	5
От автора	10
Вступление. Заблуждения в переводе	12
Книга 1. Макиавеллизм в орвеллианском мире	18
Такие (не)простые стереотипы	18
Ответственность, от которой не избавляет незнание	25
Люцифер в Аду	49
Логия этимона: «Он упал, засмеялся и умер»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Багаев

Презумпция лжи

© А. В. Багаев, текст, 2016

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2016

Предисловие. А.И. Фурсов¹

Читатель раскрыл очень необычную книгу. Прежде всего, это блестящая работа, – одна из лучших, которые мне довелось прочесть за последние 10–15 лет. Она необычна как по форме, так и по содержанию, включая разнообразие последнего. По сути перед нами научное исследование, а точнее – расследование. По форме – нечто среднее между эссе и интеллектуальным романом на исторические и криптологические темы.

Автор – Александр Владимирович Багаев, переводчик-международник, человек интересной и насыщенной судьбы – анализирует привычные схемы и интерпретации многих исторических событий. К этим схемам и интерпретациям он чаще всего подходит как к исходно лживым (отсюда – «презумпция лжи»), вскрывая и обнаруживая того самого Дьявола (Лжи), который – в деталях. Когда-то Черчилль заметил, что правда, особенно во время войн, нуждается во лжи как своём телохранителе (*bodyguards of lie*). Почти весь XX век – это война, да и раньше было немногим лучше. Историк, следовательно по особо важным историческим делам, вообще *пристальный* наблюдатель чаще всего имеет дело с ложью в качестве барьера между ним и реальностью.

¹ Фурсов Андрей Ильич, директор Института системно-стратегического анализа, академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия).

Нередко такой барьер материализуется в виде научных парадигм, т. е. того, что Т. Кун определял как систему методов, способов постановки вопросов, разделяемых определённым научным сообществом, и – самое главное – само это научное сообщество. Т. е. «научное племя» – «*scientifi c tribe*», овеществлённое в диссертациях, монографиях, структурах, учёных советах и т. д. и т. п. Воспроизводство таких сообществ и их способов видения, их *презумпций* становится их главной функциональной задачей, отодвигая на второй план задачи содержательные, в результате чего сообщество формально разумных индивидов превращается в квазиразумного актора со своими целями и задачами; бодигард лжи прячет истину под замок, тень перестаёт знать своё место. Серьёзное историческое расследование, тем более, следствие по особо важным историческим делам – это всегда столкновение с «теневой наукой», стремящейся подменить реальную.

«Презумпция лжи» – это *совокупность* следствий по особо важным историческим делам, превращающаяся в *систему*, эффективно разрушающую исторические мифы, выдаваемые за историческую истину. А.В. Багаев убедительно опровергает миф о «макиавеллизме», демонстрируя, какие интересы сформировали этот миф и стоят за ним; миф о вандалах как варварах – крестоносцы, разрушившие Константинополь, были несравнимо большими варварами, но они – не славяне, не православные – свои для западной историче-

ской традиции, а потому им прощают и даже романтизируют их. То же можно сказать о геноциде Византии по отношению к готско-славянской цивилизации с её арианской верой.

Автор убедительно показывает, что оруэлловский «анг-соц» – это не пародия на СССР, а изображение возможного западного тоталитаризма. Весьма впечатляет анализ А.В. Багаевым хитросплетений межэлитного взаимодействия российских революционеров (они же позднее – советские государственные деятели), с одной стороны, и западной политико-экономической элиты, с другой. Читателю предстоит ближе познакомиться с малоизвестными или почти неизвестными персонажами русской и западной истории: Мурой Будберг и Ротштейном, Литвиновым и Красиным (единственный *практический* ровня Ленину в большевистской партии), Ратенау и Локартом, Бэрингами и Флемингами.

Рассматривая указанные фигуры и снимая одну за другой «семь одежек и все без застёжек» лжи, укрывающие эти фигуры, А.В. Багаев формулирует важный вывод: «на практике отнюдь не из-за происков советской или какой-то там ещё „тоталитарной“ пропаганды, а просто из-за наслаивающихся друг на друга искажений и пробелов в биографиях конкретных деятелей кукожится и дробится на всё менее понятные и потому всё более несвязные куски настоящая биография исторического события, в котором эти деятели играли значимые роли».

Один из наиболее интригующих сюжетов книги – полу-

частная-полулюбовительская разведка, созданная верхушкой британского общества в её интересах и укомплектованная её же представителями, – реализация классового (аристократического) подхода в одной, отдельно взятой сфере. Не менее интригующий сюжет – тесные контакты этой разведки с коминтерновской (не путать с советской!) разведкой. А между разведками – фигуры интерлокеров. В частности, всё та же Мура Будберг и, например, её связник и друг Дафф Купер. И – как тесен мир и как иронична история: правнучатый племянник Муры Ник Клегг был заместителем премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, а правнучатый племянник Даффа Купера – сам премьер-министр Дэвид Кэмерон.

Да, жизнь хитрее и острее многих детективов и политических триллеров...

Не скажу, что меня убедила увлекательная, но весьма небесспорная расшифровка А.В. Багаевым знаменитой «исповеди Христиана Раковского», однако именно небесспорные вещи часто оказываются самыми интересными, равно как именно несогласие делает жизнь стоящей штукой (так говаривал мой хороший знакомый замечательный учёный Ференц Фехер). Кстати, именно несогласие – как с липовыми, шитыми белыми нитками схемами, так и с намного более изощрёнными, внешне правдоподобными (и наукоподобными/наукообразными) интерпретациями движет А.В. Багаевым. Подобно андерсоновскому мальчику он говорит: «А ко-

роль-то голый» – и сыпется ложь, и валяются бодигарды лжи, падает занавес и появляется Истина. И она далеко не всегда прекрасна. Как говорил Мартин Лютер, «Дух Истины болезнетворен... Ибо Истина нелестна. И он повергает в болезнь не просто того или иного человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы всё озлить, онедужить, осложнить, а не оберечь, опосредовать и оправдать, как если бы посреди чистого поля свободной, ясной и готовенькой стояла Истина». Чтобы это произошло, добавлю я вдогонку старику Мартину, нужно отстрелять бодигардов лжи – по снайперскому принципу: «один выстрел – один труп». Для меня книга А.В. Багаева – нечто вроде когнитивной снайперской винтовки. Жёстко? А не надо врать, тогда не придётся нестись в страхе от беспощадно занесённой бритвы – не Оккама, презумпции лжи.

От автора

Будучи по профессии переводчиком-международником, я вот уже скоро сорок лет имею дело главным образом с политической и исторической публицистикой. И ещё со временем выработал привычку записывать некоторые особо меня впечатляющие вещи, в основном в форме документальных зарисовок или рассказов от своего же первого лица. Ну и как-то так повелось, что первым читателем многих моих очерков часто становилась ныне уже покойная моя старшая сестра, имевшая прозвище «Сестричка».

А у Сестрички одно из любимых светских развлечений было – предлагать в компании друзей подумать, желательно вслух, и дать свой вариант ответа на заданный ею вопрос типа: «Кто, по-твоему, Писатель XX века?». Или: «Кто, по-твоему, Балерина XX-го века?».

Сколько-то лет назад сестра с мужем в очередной раз приезжали летом к нам в гости. В один из солнечных дней, как обычно, мы всей честной компанией отправились в какой-то неблизкий туристический путь на автомобиле и по дороге развлекали себя очередной Сестричкиной «загадкой» (выясняли, кто Комедийный киноактёр XX века). А потом как-то невзначай разговор перескочил на мой новый очерк, который Сестричка накануне прочла на сон грядущий. И вот как она выразила своё первое впечатление:

«Если бы меня спросили, веком чего я назвала бы XX век, я бы ответила: Веком лжи.»

И, подумав, добавила:

«Потому что мы его прожили, живя с презумпцией лжи в головах.»

Какое-то время после этой Сестричкиной реплики мы ехали молча. И вот тогда-то, пока мы молчали, у меня в голове из моих переводческих рассказов начала складываться книга, которую с тех пор написал и предлагаю теперь на суд читателя.

Название для неё честно сохранил то, которое, сама не подозревая, подсказала Сестричка.

Вступление.

Заблуждения в переводе

УЖЕ восемьдесят лет тому назад знаменитый датский лингвист Отто Есперсен в одном из своих выступлений говорил:

(В Европе) насчитывается 120 живых языков, и даже если не учитывать те, на которых говорят меньше 1 миллиона человек, то всё равно останется 38, используемых и как литературный, и как разговорный языки... Все они взаимочуждые, и случись двум представителям разных национальностей захотеть пообщаться между собой, то тогда, если только один из них не утрудит себя – а речь о действительно серьёзном труде – и не выучит язык собеседника, или если оба они не выучат какой-нибудь общий для них третий язык, им неизбежно потребуется переводчик. О том, сколько таможенных пошлин собирается, когда границы пересекают различные товары, у нас статистические данные есть. А вот такой статистики, которая отразила бы, сколько всего времени и на каком протяжении тратится каждый год на переводы с одних языков на другие – у нас нет; хотя и очевидно, что бремя собираемых на границах интеллектуальных «таможенных пошлин» гораздо тяжелее, чем бремя

пошлин материальных.²

Данных об этих совершенно особых «пошлинах», наверняка выросших со времён Есперсена на порядки, нет, насколько могу судить, и по сей день. Хотя получить о них представление можно.

НАЧАТЬ проще всего с очевидного – с «пошлин» материальных.

Во времена, когда я работал штатным переводчиком-синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке – на рубеже 80-х годов прошлого века – платило нам международное сообщество в среднем 2 500–4 000 долларов в месяц (сегодня эту цифру можно смело умножать на три), а рабочий месяц у нас состоял из 90 рабочих часов. То есть стоила наша услуга в современном выражении примерно 70–90 долларов в час.

На любом заседании любого ооновского органа работало при этом 12 синхронистов – по два на каждый рабочий язык. И, значит, обходилось бесперебойное взаимопонимание между представителями всего человечества в одном конкретном комитете или на одной конкретной ассамблее не менее, чем в 840 долларов в час, или 5 040 долларов в день.

А таких комитетов и ассамблей только в штаб-квартире в Нью-Йорке могло работать одновременно и десять, и даже больше. Получается поэтому шестьдесят-семьдесят ты-

² Цитаты из иноязычных текстов в этой книге я в основном перевёл сам. Во всех случаях, где позаимствовал чужой перевод, указал его автора(-ов).

саяч долларав в день, по самому минимуму, только в одной – хотя и самой крупной – международной организации и только в одной – хотя и самой напряжённой – точке планеты. И только на разговоры; а есть ведь ещё и документы, которые точно так же все переводятся.

Дальше, в принципе, можно было бы точно так же просчитать и остальные, побочные расходы; и не только в международных организациях, а и в международных корпорациях. То есть сосчитать главные статьи мировых материальных «таможенных пошлин», собираемых при переводе, можно – они на поверхности, и, судя по всему, составляют многие миллиарды долларов в масштабах всей планеты.

ОДНАКО ЛЮБОЙ, кто и впрямь возьмётся за подобную калькуляцию, сразу увидит, что на самом-то деле правильно всё сосчитать совсем не так просто.

Вот, например, началась одним ноябрьским утром 1981 года в Комитете Генассамблеи ООН, занимающемся правами человека, самая рутинная дискуссия. Одним из первых выступил наш тогда ещё советский делегат: посетовал на проволочку в осуществлении очередной программы по улучшению условий жизни в некой бедной стране, завершил с претензией на риторическое мастерство словами: «А воз и ныне там» – и отключил микрофон.

Через пару минут для внеочередного выступления попросил слова представитель Всемирной организации здраво-

охранения и с нескрываемой обидой за несправедливо раскритикованную ВОЗ подробно остановился на многих достижениях этой организации на упомянутом поприще. Закончил он, выразив искреннее недоумение, почему советская делегация эти очевидные всем заслуги недооценивает.

Ещё через пару минут внеочередного слова с правом на ответ запросил уже наш советский ритор – и не менее скучно стал разъяснять, что Советский Союз в общем и целом высоко оценивает усилия ВОЗа...

И так эта их перепалка могла бы продолжаться и дальше, но тут из нашей русской синхронистской кабины председательствующему передали записку следующего содержания (цитирую, естественно, по памяти):

В первом выступлении представителя СССР заключительный фразеологизм «А воз и ныне там», означающий вполне абстрактно «А движения вперёд не видно», был ошибочно переведён на английский, как «А ВОЗ по-прежнему не достигла никакого прогресса».

На том заседании, помимо нас двенадцати синхронистов, присутствовало десятка три-четыре дипломатов с зарплатами, сопоставимыми с нашими, ну и ещё пол-дюжины человек занимались всевозможным обеспечением нормального хода работы. И, значит, по уже применённой выше методе можно предположить, что стоил человечеству этот безвозвратно потерянный и ну совсем для него бесполезный час – эдак тысяч пять долларов. По самому минимуму.

И по какой же статье «материальных таможенных пошлин» такой убыток проводить, а главное — как его вычлениать и потом учитывать? Во всех-то главных точках планеты, во всех организациях и корпорациях? И как его вообще обозначать?

Я НЕ бухгалтер, не экономист и не финансист: профессионально могу разобраться только во второй, не-материальной части проблемы. И потому у меня, лично, реальный ответ есть лишь на самый последний вопрос «Как обозначать?». На английском языке хорошим вариантом показалось *Lost in translation*, а на русском посчитал эквивалентом — «Заблуждения в переводе». (По-французски: *Egaré dans la traduction*.)

Почему «заблуждения», а не как-то иначе? Потому что если прислушаться, то в этом слове звучат одновременно *интеллектуальный* тип «таможенных пошлин» и выразительная многозначность слова *Lost*. Ведь в переводе, в котором целиком или частично «потеряна» (*lost*) мысль оригинала, может «потеряться» уже в смысле «заблудиться» (*get lost*) и сам переводчик, а вслед за ним его слушатель или читатель. Вот эти разные «потеряния», все скопом, и можно с некоторой лингвистической иронией назвать: «Заблуждения».

А ЕСЛИ совсем честно, то стремился я при выборе варианта — уже даже не просто с иронией, а и с некоторым сар-

казмом – учесть ещё и многозначность слова «перевод».

Ведь говорим мы, и довольно часто: «Перевожу на русский», или «Перевожу с научного языка», или ещё как-то так, в смысле – «Объясняю человеческим языком и доходчиво». Есть в нашем представлении и понимании и такой «перевод»: с русского на русский (и есть он точно так же у носителей всех известных мне языков). И этот «перевод» отнюдь не менее важен, чем перевод без кавычек, связан с ним напрямую и неразрывно, а распространён он и практикуется в мире в масштабах и вовсе на порядки больших, чем моё родное ремесло.

Так что разговор с читателем я затеял, чтобы поговорить о переводческих заблуждениях (обоих типов), корнями уходящих в первую очередь в этот самый перевод с родного языка на родной. Потому что образующееся при пересечении *этой* границы «бремя интеллектуальных таможенных пошлин» уже точно никак не исчислимо, в деньгах во всяком случае. А по своей огромности оно обычным, связанным с «традиционным» переводом издержкам не просто не уступает; оно, по-моему, даже как-то очень весомо и потому тревожно их превосходит. Ведь довольно часто переводчики «заблуждаются» вполне осознанно и преднамеренно, и порой в результате одного такого намеренного «заблуждения» счёт *потерянным* может идти – и идёт – на миллионы людей. На десятилетия. И даже на целые народы и на века.

Что я и попробую показать.

Книга 1. Макиавеллизм в орвеллианском мире

«Историк всегда исследует лишь осколки, но слишком часто эти обломки лежат возле монументов, возведенных властью... Мы ничего не знаем о ереси, разве что от тех, кто ее преследовал и травил, только по актам ее осуждения и опровержения...»³
Жорж Дюби

Такие (не)простые стереотипы

ЗАБЛУЖДЕНИЕ всегда подстерегает нас и грозит каждому, кто возьмётся читать, слушать или формулировать сам любое рассуждение, построенное по принципу «чужой факт/аргумент/вывод – свой факт/контраргумент/вывод». Это – аксиома. Причём заблуждение не может быть хорошим – и это, наверное, тоже аксиома. Потому-то в жизни вообще, для тех случаев, когда любое заблуждение становится особенно нежелательным, мы и придумали иметь судей. Тех, кто одинаково внимательно и одинаково беспристрастно выслуша-

³ Перевод с французского Натальи Дульнёвой. Ж. Дюби – историк-медиевист, член Французской академии.

ет обе стороны и потом, взвесив все аргументы обвинения и защиты, примет ясное и недвусмысленное решение.

Называется это у нас – справедливый суд. Потому что только таким путём есть шанс сначала действительно разобратся в предмете спора и потом уж, на основании выясненного, вынести справедливое решение. Но вот в обычной нашей нормальной жизни, при любом чтении, слушании или высказывании о спорных – и уж тем более о «бесспорных» – предметах, когда мы как раз и выносим свои *суждения* и должны бы потому раз за разом выбирать справедливый и честный судейский подход к делу, такое добросовестное отношение случается совсем нечасто. Если вообще случается: всем некогда, у всех своя нетерпящая отлагательств жизнь.

Есть, однако, помимо судей, как минимум ещё одна профессия, представители которой, как и судьи, вынуждены по должности, чтобы правильно исполнять свои обязанности, с одинаковым вниманием слушать аргументы всех сторон – и невинных чистых дев, и самых отпетых негодяев; и при этом знать и понимать суть, содержание и даже сам специфический язык спора. Это – мои коллеги по ремеслу, переводчики.

Причём переводчик-синхронист в этом смысле находится в положении куда как более сложном, нежели судья. Он не может в процессе «суда» (перевода) объявить перерыв и удалиться в свою комнату, чтобы свериться с толстыми томами кодексов и уложений (то есть со словарями и справочника-

ми). Не может подозвать к себе прокурора и адвоката и шёпотом с ними посоветоваться (то есть воспользоваться чужой подсказкой). Любую деталь обсуждаемого предмета-вопроса, любой термин и словечко, любое выраженье, независимо от того, исходят они от «защиты» или от «обвинения», нравятся они ему лично или нет – все их он должен и может «вытащить» только из одного доступного ему универсального справочника – из собственной головы.

И потому серьёзный профессионал-синхронист всё время, свободное от перевода как такового, вынужден проводить в чтении. Периодики. Спецлитературы. Программ партий. Энциклопедий. Потому что он всегда, повторяю, должен знать предмет не хуже, чем его знают спорщики – и обвинители, и защитники; о чём бы ни взялись они рядиться, будь то библейские древности или кредитные риски на межбанковском рынке репо.

В силу данного обстоятельства у всех нас синхронистов вырабатывается с годами профессиональная привычка, постепенно и незаметно становящаяся второй натурой: без усталости читать, чтобы знать «не хуже», и в погоне за этим знанием одинаково упорно искать, находить и слушать аргументы и «защиты», и «обвинения». Потому что в первую и главную очередь важно – знать правильно, или иначе – справедливо, как судья; почитывание же и пописывание исходя из личных эстетических или, скажем, политических пристрастий и антипатий – это когда-нибудь потом, на досуге, в кру-

гу семьи и друзей, коли проснётся и вознамерится поболтать дремлющий внутри каждого из нас *философ*.

В СЛУЧАЕ же с письменным переводом аналогия с трудом судьи несколько иная.

Всякий судья выслушивает каждое новое дело дважды: сначала как бы с глазу на глаз, знакомясь с ним в тиши своего кабинета, и уже потом прилюдно – в зале заседаний. Примерно так же движется работа и при письменном переводе.

Ведь серьёзный профессиональный перевод начинается не в тот момент, когда переводчик приступает к переложению первой иноязычной фразы на свой язык, а несколько раньше. Сначала, ещё и не берясь даже за перо, переводчик просто читает текст в оригинале, от начала до конца. И тоже два раза.

Первый раз – именно обыкновенно читает, как любой читатель. Только гораздо внимательнее. Потому что его задача при чтении – не просто интуитивно воспринять, а ещё и обязательно рационально вникнуть во все смыслы текста: и в общую глобальную мысль, ради которой написана книга (или повесть, статья, заметка), и в значение каждого отдельного соображения, из сочетания которых в конце концов сложится глобальная авторская мысль.

Что-то похожее проделывают шахматисты, когда разбирают и изучают чужую партию – ход за ходом – вникают в её стратегию и тактику, и потом играют её до какого-то предела,

не задумываясь, уже как свою собственную. Не сомневаюсь потому, что любой писатель может только мечтать, чтобы все его читатели были, как письменные переводчики; ведь внимательнее, чем они (мы), слово на бумаге не читает никто.

Вторая читка всё того же текста имеет целью проверить с привлечением всех известных и доступных справочников и источников правильность своего понимания и всего предмета в целом, и всех вызывающих хоть малейшее сомнение слов и фразеологизмов, специальных терминов и имён собственных, событий и мест их происхождения. Всё это переводчик дотошно разбирает «по всему фронту», выясняя правильность собственного знания и, конечно, его пополняя.

Только после этого он и берётся за перо, чтобы, как и судья, разобравшись досконально в деле, вынести теперь свой справедливый прилюдный приговор.

РАССКАЗАЛ я об этих тонкостях, чтобы подчеркнуть: все упомянутые правила перевода в равной мере применимы и к переводу традиционному, и к «переводу» с русского на русский. К любому, короче, пересказу на понятном языке, который будет читать или слушать доверчивая аудитория: будь то задорная заметка в заводской многотиражке, гневная прокламация на площади или занудный нечитабельный трактат из области политической философии.

И это пока ещё ни о каких чреватых заблуждениями трудностях перевода разговор не шёл. Это ещё пока было про-

сто напоминание о прилежании, без которого нет и не может быть профессионализма и в том, и в другом переводе. А трудности начинаются вот когда:

Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушкю. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился....

Эту знаменитую, вызывающую у меня профессиональный восторг фразу мне как-то пришлось переводить на французский язык. И в ней-то я как раз столкнулся с трудностью. С настоящей. Кто ещё не догадался: речь – о портянке (хотя и *Ромуальдыч*, привычно обращающийся ноги грязными тряпками, тоже казус хитрый).

Дело в том, что нынешним носителям французского языка этот предмет гардероба не известен. Вообще не известен – как явление Природы. И что тут тогда делать?

Вставлять описательную формулу? Но тогда нарушится чудесный поэтический ритм фразы. Писать, что состарившийся отпрыск некоего Ромуальда судорожно задёргался от духана собственных носков (предмета гардероба вполне общеизвестного)? Дословный смысл всего высказывания – не нарушится, это правда. Но зато нарушится, как бы это сказать... восприятие цивилизационного контекста, что ли.

Потому что ведь для любого русскоязычного портянка – это не просто предмет гардероба. Таким предметом она для нас является только на первом, дословном и утилитарном уровне понимания нашего языка. А на более высоком, миро-

ощущенческом уровне языкового восприятия, портянка для нас – стереотип, то есть символ, через который нам открывается целый образ жизни. В данном случае – нищего старика-плебея, отец которого носил когда-то очень патрицианское имя Ромуальд, да то ли то был амбициозный, ничем не оправданный выпендрёж большого деревенского оригинала, то ли и впрямь было когда-то в семье аристократическое процветание, да всё вышло.

Так что образ очень нам понятный и весьма богатый нюансами, классический стереотип не простого дословного, а сложного мироощущенческого уровня. Перевести который точно и полно на другой, «беспортяночный» язык, не знающий к тому же фамильярных форм отчества и правил их применения в нашем народном обиходе, можно только с комментарием переводчика, со сноской. Любой другой вариант будет с какой-то потерей, с тем или иным искажением или даже усечением всего смыслового комплекса оригинала.

Ну и вот теперь, понимая, что даже распростецкая портянка – как заправский *лапотъ* – на самом деле совсем не так проста, когда речь идёт о самовыражении и правильном понимании целой нации, можно начинать конкретный разговор о заблуждениях более серьёзных и печальных, в которых могут оказаться – и оказываются – переводчики (в кавычках и без), а вслед за ними и все их доверчивые читатели и слушатели, когда имеют дело с этими (не-)простыми стереотипами второго, мироощущенческого уровня.

Ответственность, от которой не избавляет незнание

ТОЛЬКО сначала отвлекусь на минутку и перенесусь в прошлое, в Бельгию, на поля неподалёку от города Ватерлоо, и пусть на дворе будет 18 июня 1815 года, пятый час пополудни.

Потому что в этот самый час генерал Фридрих фон Бюлов вывел на поле боя первый из прусских корпусов фельдмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера, князя Вальштадского. И потому что до этого момента исход сражения не то что не был ясен, а вообще даже всё шло к тому, что гений Напарты в который раз одолеет противника. Потому что, наконец, именно в этот час решила теперь уже окончательно судьба мятежного императора.

Дело в том, что Наполеон накануне отрядил тридцатитысячный отряд маршала Груши с заданием перехватить пруссаков, но Блюхер совершил успешный быстрый манёвр, большая часть его корпусов успела проскочить до подхода замешкавшегося Груши, и – генералы Блюхера появились на поле боя со свежими войсками в самый критический момент. В результате Наполеон проиграл не просто сражение – всю свою эпоху.

Ну и вот попробуй теперь, читатель, пофантазировать и представить себе, что ты – простой строевой офицер в том

роковым образом опоздавшем заградительном отряде. Что ты – ветеран наполеоновских войн, в своём императоре души не чающий и жизнь за него готовый отдать без малейшего колебания. И что через несколько дней после сражения стало известно: Груши – не замешкался. Груши ваш отряд «притормозил» совершенно сознательно. Потому что Груши – предал Наполеона. И получилось, что все вы, весь отряд, сами того не ведая и уж точно не желая, стали соучастниками самой подлейшей мерзости, какую только можете себе вообразить.

Вот какие вас охватят чувства в такой ситуации?

После Цусимы наши молодые флотские офицеры – абсолютно ни в чём не виноватые – стрелялись, будучи не в силах вынести позора. Какого именно позора – не знаю, это только они сами знали. Может – позора поражения в бою. Может – позора для Отечества. Может – какого-то ещё. Важно, однако, в моём рассуждении не точное установление причины, а то, что даже будучи лично абсолютно ни в чём не виноватым, в некоторых ситуациях ответственности всё равно не избежать. Если, конечно, ты человек чести.

Да простит мне маршал Груши эту дурацкую фантазию. Он в реальной жизни никогда никого в бою не предавал. В битве при Нови, прикрывая отступление разбитых Суворовым французов, получил четырнадцать – четырнадцать! – ранений. При Ватерлоо до самого конца честно исполнял все приказы

своего императора. Когда главное дело уже кончилось, и Наполеон бежал – Груши, не зная об этом, ещё несколько часов добивал прусский аррьергард у Вавра. И добил, и увёл свой отряд в целости и сохранности в намюрскую крепость. А затем – собрал остатки разбитой армии, совершил организованный марш и занял оборонительную позицию перед Парижем. Хотя это и не могло уже ничего изменить.

Смысл этого аллегорически-романтического отступления был вот в чём. Во всех моих последующих рассказах не будет поиска лично виноватых – хотя бы потому, что их почти и нет (правда, в масштабах всего Человечества). Но мне тем не менее не хотелось бы, чтобы из-за этого сложилось впечатление, что, коли очевидно виноватых среди нас нет, то никто ни за что и не несёт ответственности. Потому что, как я только что попытался аллегорически продемонстрировать, ответственность есть всегда. Другое дело – осознаёшь ли ты её, какова мера твоих ума, профессионализма и чести.

На основе этого понимания и построен мой первый рассказ, который не только по всем своим внешним признакам, но и по сути – абсолютно макиавеллианский.

ВОТ как среднестатистический читатель это определение – *макиавеллианский* – понимает? Как, вообще, все мы его обычно понимаем в целях и того, и другого перевода (иначе говоря, в процессе усвоения мысли)?

Ответ напрашивается сам собой, причём на любом языке

во всём сегодняшнем образованном мире: это что-то коварное, что-то от нас скрытое, что-то явно не в наших интересах. Какой-то неблагожелательный происк какой-то злой силы, исповедующей один главный принцип: цель оправдывает средства, и для её достижения все они хороши.

Почти аксиома. Но если есть хоть малейшее сомнение, жёсткие правила перевода безоговорочно требуют проверки.

Поэтому беру словарь и смотрю, каково вполне устоявшееся, нормативное значение этого слова. Например, статья из английского толкового словаря после двух обычных притязательных значений приводит ещё и третье:

Макиавеллианский... 3. Отличающийся особой или беззастенчивой хитростью, лживостью или неискренностью (*Random House Unabridged Dictionary*).

Дальше ради достижения наибольшей правдоподобности затейного эксперимента обращаюсь к самому доступному в мире и потому самому используемому на сегодня источнику справочной информации: просматриваю, что на сей счёт пишет «Википедия».

В русскоязычной статье о Макиавелли сказано:

Исторически его принято изображать тонким циником, считающим, что в основе политического поведения лежат выгода и сила... Впрочем, такие представления скорее следует отнести к исторически сформировавшемуся имиджу Макиавелли, чем к объективной реальности.

Во франко-язычной статье уже даже звучат страстные нотки, а аргумент всё тот же, но более обоснован:

Изначально, в благородном смысле макиавеллизм относится к концепциям Никколó⁴ Макиавелли, изложенным в его политических произведениях. При таком его понимании «макиавеллизм – это попытка выставить на всеобщее обозрение лицемерие общественной комедии, выявить те чувства, которые на самом деле подвигают людей на те или иные поступки, очертить истинные конфликты, образующие ткань исторической поступи, и изложить лишённый каких бы то ни было иллюзий взгляд на то, что же такое есть *в реальности* общество.»⁵

А в англоязычной статье и вовсе заявлено прямо и недвусмысленно:

В современном языке определение *макиавеллианский* используется с уничижительным, негативным смыслом, но такое его приложение ошибочно...⁶

И что же получается? *Заблуждение?*

РАЗОБРАТЬСЯ, откуда и почему возник такой дуализм во вроде бы нормативном толковании («перевode») давно

⁴ Имя Макиавелли произносится с ударением на последний слог: Никколó.

⁵ В статье цитируется очерк Рэймона Арона. Курсив автора.

⁶ *The pejorative term Machiavellian as it is used today... is... a misnomer.*

привычного и понятного «макиавеллизма», на самом деле не так уж и сложно.

Прежде всего надо вспомнить, что в своей главной, фундаментальной работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли написал вот такие довольно знаменитые строки⁷:

Книга I, Глава XII. О том, сколь важно считаться с религией и как, пренебрегая этим, по вине римской Церкви Италия пришла в полный упадок

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом. ...

Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время. ... Тот, кто рассмотрит основы нашей религии и посмотрит, насколько отличны ее нынешние обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям.

...дурные примеры папской курии лишили нашу

⁷ Эта и последующие цитаты из «Рассуждений...» в переводе Р. Хлодовского.

страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесчисленные неудобства и бесконечные беспорядки... мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле.

В этом рассуждении Макиавелли нужно для наших целей отметить, как главное, вот что: он в желательной с его точки зрения системе государственного устройства не осуждал и не отрицал религию. Наоборот, он развёрнуто и определённо указал на её крайнюю важность и потому обязательную необходимость. Но при этом недвусмысленно подразумевал подчинённость Церкви – т. е. культового административного учреждения – светским князьям (правителям государств).

А ведь практически во всей тогдашней – католической – Европе руководителем всего и вся считался и на практике являлся верховный церковный чиновник, папа римский. И потому этот Макиавеллиев тезис означал прямой вызов существовавшему повсеместно устройству государственной жизни. Всего несколько сухих и бесстрастных абзацев – но в них фактически изложены идейные основания, на которых тогда могла бы быть осуществлена форменная революция во всех европейских государствах.

ТЕПЕРЬ читаем коротенький отрывок из прекрасного очерка, который посвятил Макиавелли известный английский публицист и историк первой половины девятнадцатого

века Томас Маколей:

Нет никаких оснований считать, что окружавшие его люди находили его произведения шокирующими или нелепыми. Напротив, сохранилось более, чем достаточно, доказательств того, что и к нему, и к его работам современники относились с большим уважением. Его книги были опубликованы под патронажем самого папы Климента VII, а неподобающим для христианина чтением их объявили только поколение спустя, на Тридентском соборе. Он, действительно, подвергся осуждению некоторых членов демократической партии (во Флоренции. – А.Б.), но только за то, что посвятил своего «Государя» покровителю, носившему непопулярную среди них фамилию Медичи; а вот по поводу его столь сурово с тех пор осуждённых аморальных доктрин никакого возмущения никто тогда, вроде, не выказал. Первые гневные возгласы против них зазвучали по сю сторону Альп, и в Италии их, кажется, восприняли с полным недоумением. А самым первым его гонителем был, насколько мы можем знать, кардинал Поул, наш соотечественник.

Это кажущееся противоречие – один папа издаёт труды Макиавелли, а его преемник предаёт автора анафеме, – объясняется просто.

Папа Климент VII – это Джулио Медичи, внебрачный сын одного из Медичи, племянник Лоренцо Великолепного и двоюродный брат папы Льва X. Во время, когда Макиавелли написал своего «Государя», Джулио Медичи был произведён

в кардиналы (стал князем Церкви) и назначен архиепископом во Флоренцию – «столицу» дома Медичи и одновременно отчизну Макиавелли. Видимо, именно он, Джулио Медичи выступил непосредственным заказчиком «Государя», поскольку известно, что он слыл сторонником воссоединения бесконечно раздробленной в то время Италии.

Но эти его устремления наталкивались на практически непреодолимую трудность: такая политика неизбежно вступала в противоречие со стратегическими интересами папской курии, которая тогда возглавляла одно из главных государственных образований на территории нынешней Италии со столицей в Риме (называлось это гос. образование «Папская область», создано было в восьмом веке и существует по сей день, но теперь уже только в виде карликового государства Ватикан). Не один век папы отчаянно интриговали и сталкивали лбами разных местных правителей («государей»), безуспешно пытаясь подчинить себе таким образом всю страну и в любом случае – причём уже гораздо более успешно – не допустить чрезмерного усиления любого из конкурентов в ущерб своим интересам. Известно много случаев, когда они заключали военные союзы с разными европейскими монархами – против своих итальянских соперников. Именно из-за этого Макиавелли и написал, только не в заказном «Государе», а в «Рассуждениях...», в уже процитированной выше главе:

«Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей. Это породило столь великую ее раздробленность и такую ее слабость, что она делалась добычей не только могущественных варваров, но всякого, кто только ни желал на нее напасть. Всем этим мы, итальянцы, обязаны Церкви, и никому иному.»

Итак – Реджинальд Поул, который, похоже, и стоял у истоков нынешнего нормативного, словарного значения «макиавеллианского». И кто он такой?

Годы его жизни: 1500–1558. Выходец из очень знатной английской семьи, по матери – Плантагенет (то есть при определённом стечении обстоятельств имел законное право претендовать на королевский трон). Закончил жизнь в должности архиепископа Кентерберийского (главы английской Церкви) и Канцлера Оксфордского университета. Однажды даже чуть не был избран очередным папой римским.

Для нас, однако, важно не столько его аристократическое величие в Англии и огромное влияние в римской Церкви, сколько то, чем он занимался в расцвете сил.

А занимался он борьбой с королём Генрихом VIII, который упразднил в Англии главенство римской Церкви. (После смерти Генриха старый порядок вещей ненадолго восстановила ревностная католичка королева Мария I, при которой кардинал Поул и стал её главным и ближайшим советником, а также архиепископом Кентерберийским. Именно с

его помощью королева Мария вошла в историю под прозвищем «Кровавая» — за жестокие массовые расправы с «еретиками».) То есть при Генрихе VIII Церковь в Англии поставили именно на то место, которое ей в своих рассуждениях и отводил Макиавелли. Причём, если верить кардиналу Поулу, мысли и советы Макиавелли, может, и не лежали в основе действий короля Генриха, но какую-то важную роль в реформации английской Церкви тем не менее явно сыграли.

Потому что у короля Генриха в эпоху противостояния с папской курией главным советником, помощником и проводником его воли был некий Томас Кромвель (Оливер Кромвель ему доводился пра-правнучатым племянником). Вместе они, среди прочего, упразднили в Англии монастыри, изъяли в пользу казны всё их имущество, конфисковали церковные земли, прекратили отчисления в пользу папской курии, изгнали с государственных должностей церковных сановников и заменили их на светских служащих. Именно Томаса Кромвеля считают автором большинства Актов (законов), принятых парламентом в период реформации английской Церкви, в 1532–1539 гг. И вот он-то, как гораздо позже сообщил сам кардинал Поул (и как с тех пор принято считать), на заре реформации вроде бы дал Поулу, тогда ещё только будущему кардиналу такой вот совет:

...лучше бросить всяких мечтателей вроде Платона и прочесть вместо этого книгу находчивого итальянца, толкующего об искусстве управления вполне

практически.

Но дело, похоже, обстояло не совсем так. Вот что по этому поводу написано в энциклопедии «Британника»:

По словам кардинала Поула, версию которого слишком легко приняли на веру, Кромвель к тому времени (концу 1520-х гг. – А.Б.) под впечатлением от изученного им макиавеллевского «Государя» превратился в настоящего «посланника Сатаны». Поул встречался и беседовал с Кромвелем один раз (в 1529 г. – А.Б.) и через десять лет после этой встречи, в 1539-м году написал, что Кромвель посоветовал ему тогда прочесть недавно вышедшую в Италии книгу о политике, а он со временем обнаружил, что имелся в виду «Государь» Макиавелли. Обнаружить сие Поулу и впрямь было возможно лишь через несколько лет: ведь «Государь» был впервые опубликован в 1532-м году, то есть через три года после памятной беседы Поула с Кромвелем. По некоторым имеющимся сведениям Кромвель вообще узнал о «Государе» только в 1537-м или 1539-м году.....вполне вероятно, что рассказ об этом случае родился в воображении Поула, когда под впечатлением от прочитанного в 1538-м году «Государя» находился он сам, а Кромвель тогда же жестоко расправлялся с членами его семьи; ведь до тех пор черт макиавеллианского «посланника Сатаны» Поул в Кромвеле не находил.

Томас Кромвель и впрямь немало поспособствовал отправке на плаху чуть ли не всех близких родственников По-

ула, не пощадил даже его мать. Но в значительной степени виноват в их гибели был сам кардинал: ведь именно в это время он по заданию папы римского в качестве его нунция мотался по Европе между испанским императорским и французским королевским дворами и пытался сколотить общеевропейскую анти-английскую лигу; прямо как Наполеон.

Почему он столь очевидно предал свою родину? Потому что в Англии последовательно и наглядно осуществлялся на практике «проект Макиавелли»: нация объединилась под рукой одного Государя, парламент давал законы и выражал интересы знати и народа, Церковь заняла подабающее ей подчинённое место и ограничилась своим непосредственным делом; место в этом государственном устройстве нашлось всем – кроме Ватикана. Одним из главных чиновников – «членом ЦК» – которого как раз и являлся Поул. То есть под угрозой оказались перспективы в том числе и его личных карьеры и власти, а то и вовсе даже трудоустройства.

Так что вполне закономерно, что о самом Макиавелли и о его рассуждениях папский нунций, князь Церкви Реджинальд Поул высказался следующим образом:

Я нахожу, что сия книга написана врагом рода человеческого. В ней растолкованы все возможные способы, коими могут быть уничтожены религия, справедливость и всякая склонность к добродетели.

УТОЧНИМ. Макиавелли сказал (в «Рассуждениях...»; курсив мой):

...ибо там, где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного.

И ещё он сказал:

Государи или республики... должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение...

На что кардинал Поул, без тени смущения по поводу собственной какой-то просто вопиющей ввиду её очевидности лжи, ответил: у Макиавелли «растолкованы все возможные способы, коими» может быть *уничтожена* религия. И потому квалифицировал его, как «врага рода человеческого».

По-моему, точно так же в нашем не столь давнем российском прошлом любую персональную критику в адрес руководителей государства (Сталина, например) объявляли без обвиняков злонамеренным происком против Партии и всей родной страны, и потому самого критика тут же зачисляли во «враги народа». Не вижу никаких различий в логике осуждений, с которыми выступали что бывшие советские партийцы, что кардинал Поул. Те твердили: «Мы говорим Ленин, подразумеваем – Партия», этот явно имеет в виду: «Он говорит Церковь, а мы подразумеваем – религия».

Потому не удивительно всё-таки, вопреки недоумевающему Маколею, что самая первая критика Макиавелли прозвучала именно «по сю сторону Альп». Ведь именно тут, по сю сторону приложили король Генрих и его советник Кромвель

теорию Макиавелли на практике: в одной отдельно взятой стране лишили Церковь главенства и подчинили её Государю. Причём – буквально следом за первой публикацией макиавеллианских (в благородном смысле) политических трактатов в Италии.

И потому опять не удивительно, что при первой же представившейся официальной возможности – на Тридентском (Трентском) Соборе, открывшемся в конце 1545-го года с целью покончить с еретиками-реформаторами – римская Церковь срочно ополчилась в том числе и на столь опасного для неё подавателя вредного примера: официально предала Макиавелли анафеме, а политические трактаты его включила в только что учреждённый «Индекс запрещённых книг» (*Index Librorum Prohibitorum*). Причём одним из трёх легатов уже нового папы – не Климента VII – на первых заседаниях Тридентского Собора был как раз кардинал Поул.

На практике эти предупредительные меры в тогдашней католической Европе означали, что ознакомление с произведениями Макиавелли, вынесение самостоятельного суждения о нём и о его учении стали – невозможными. Не только рядовые христиане, а и подавляющее большинство тогдашних научно-образовательных центров – университеты и монастыри – отныне могли только повторять и всё больше затверждать официальную «линию партии».

При этом не будет натяжкой сказать, что в XVI веке в Европе единственным действительно массовым средством

информации и потому *мэйнстримом* была церковь. Именно так: не с заглавной буквы, а со строчной. Церковь в каждом городском квартале, церквушка в каждой деревне. Тогда ведь в интернете не сидели и перед телевизором носом не клевали; тогда слушали проповеди.

А в них по тогдашнему закону каждый священник в меру своих способностей обязан был не излагать объективно пастве взгляды пребывавших в анафеме, не разъяснять подробно и терпеливо выдвинутые ими мироощущенческие стереотипы, а клеймить сих поганцев, проклинать их – и только; как то строжайше предписывало высокое начальство. На протяжении нескольких столетий.

РЕЗУЛЬТАТ, естественно, не заставил себя ждать.

Всего через тридцать с гаком лет после завершения Тридентского собора, в 1598 или 1599 году в Лондоне самый в ту пору славный английский драматург Кристофер Марло выпустил на сцену свою новую пьесу «Мальтийский жид». По тогдашним порядкам в начале представления зачитывалось эдакое разъяснительное вступление – чтобы рядового зрителя правильно «сориентировать». И вот в такой вступительной ориентировке к «Мальтийскому жидам» для широкой публики о главном персонаже пьесы сказано, что он – «истинно Макиавиль» (*a sound Machiavil*). Но поскольку персонаж самим Никколо́ Макиавелли не являлся, то, значит, на тот момент имя его в восприятии театральной публики стало

уже вполне нарицательным (как у нас, например, видимо к концу XIX века, Хлестаков).

Стоит добавить, что «истинно Макиавиль» в пьесе Марло – подлец невероятный, творит чем дальше, тем больше и тем гнуснее злодеяния, да к тому же ещё и зовётся очень для тогдашней публики символичным именем Варавва. Из-за чего в подсознании публики должны были неизбежно сами собой расставиться знаки равенства между именем Макиавелли, самыми невероятными гнусностями и каноническим образом злодея. Сам Марло это придумал, нечаянно у него так хитро получилось, или всё-таки кто-то подсказал ему авантажный пропагандистский ход – не узнаем уже никогда.

Пьесу играли не один год, разные труппы, в том числе и королевская. И, возможно, в результате и этой психической атаки, тоже через некоторое время – если точно, то в 1665 году – выступая в английском Парламенте, Спикер Палаты общин, говоря о реакции голландцев на разумные (естественно) предложения английского короля, сказал следующее:

Однако, голландцы (коварно, тайком, гнусно? – А.Б.) порешили несправедливо приобретённое сохранить силой.

В скобки и под знаком вопроса определение, квалифицирующее голландское решение, я поставил потому, что не знаю наверняка, какой именно пейоративный смысл уже вкладывали тогда в «макиавеллизм». Но зато вижу, что эволюция со времён выхода в свет «Мальтийского жиды» про-

изошла и состоялась: имя нарицательное превратилось в обычное определение и как таковое вошло в языковой обиход. Вот оно (выделено шрифтом):

But the Dutch resolved, with Machiavil, to keep by Force what they had got by Wrong....

От *with Machiavil* до *machiavellian* уже осталось совсем немного, один небольшой словообразовательный шажок. Процесс формирования стереотипа завершился примерно за 150 лет.

НУ а откуда же всё-таки противоречие, в которое вступила со словарём «википедия»? По-моему – всё дело в эволюции СМИ.

Примерно 150 лет, только теперь уже тому назад, Церковь начала необратимо и с ходом времени всё более стремительно утрачивать свою ведущую медийную роль, упускать из рук монопольный контроль над *мэйнстримом*. Образно говоря, Церковная Берлинская стена пала, «Индекс запрещённых книг» перестал обеспечивать искомый результат, Церковь утратила свою способность наводить на общество благоговейный ужас.

Причём сегодня её печальный «Индекс» читается, как полный перечень чуть ли не всех отныне общепризнанно великих и гениальных писателей и мыслителей христианской («западной») цивилизации. А они-то как раз макиавеллизм воспринимали исключительно в изначальном, благородном

смысле: Монтескье, Дидро, Руссо, Гёте, Байрон... И как бы от имени их всех скопом – Фрэнсис Бэкон:

Мы многим обязаны Макиавелли и прочим, кто не поучает, что людям пристало делать, а пишет о том, что люди делают.

Вот и принесли реабилитированные на смену страстным, но не рациональным проклинаниям и гневным проповедям вдумчивое, массовое объективное переосмысление «макиавеллианского». И потому язык, хотя и со своим обычным отставанием, за ним последует.

Уверен, что в не таком далёком будущем в толковых словарях, в статьях о «макиавеллизме» и «макиавеллианском» перед нынешними определениями вставят оговорку: *устар.* Ведь вот сумели же учёные, те, что занимаются политической философией и историей права, уже давно, но, правда, без лишнего шума договориться: Никколó Макиавелли – основоположник и главный вдохновитель современной республиканской идеи.

ОЧЕНЬ показательно в связи с этим, что теперь, когда борьба за глобальное господство безвозвратно проиграна, Церковь больше не держит на Макиавелли зла. В посвящённой ему статье Католической энциклопедии *New Advent* рассказ о нём ведётся вполне доброжелательный, вдумчивый и без всяких обвинений шиворот-навыворот вроде того изначального, прозвучавшего из уст кардинала Поула.

Война отгремела, и настоящие профессионалы, как им и подабаёт, теперь с уважением говорят о славном и доблестно сражавшемся противнике.

А ещё, если подражать великому насмешнику Макиавелли и никогда не упускать случая вернуть в серьёзный разговор что-нибудь весёлое, вот шутка, в которой на самом деле нет ни грана шутки, а одна только чистая правда, как оно часто в реальной жизни и бывает.

В своей только что вышедшей новой книге, в очередной раз разъясняющей массам в США очередную смену политического курса англо-американского истеблишмента, один из главных популяризаторов партийной линии в западном мейнстриме – Томас Фридман – написал:

Чтобы действительно представить себе масштабы и сложность задачи, которую нам предстоит решить при переходе к Системе чистой энергии, лучше всего взять и, если подзабыли, перечитать Макиавелли. Мне лично в «Государе» больше всего нравится вот этот отрывок....

И это в глубоко ортодоксальных, религиозных христианских США звучит из уст ихнего специалиста агитпропа не хуже нашего бывшего политобозревателя Юрия Жукова. Надо представить себе, как читаешь году эдак в 1980-м только что выпущенную в Политиздате миллионным тиражом свежую книжку Юрия Жукова (это будет точный советский аналог новой книги Фридмана), а в ней:

...лучше всего взять и, если подзабыли, перечитать Черчилля. Мне лично в его «Фултонской речи» больше всего нравится....

Тем временем инструктора райкомов партии в большой суматохе отправляют заинтригованных лекторов общества «Знание» на спецсеминары для срочного сов. секретного ознакомления с оною речью...

Шутки шутками, а ведь в Штатах сразу следом за этим очередным эпохальным трудом Томаса «Юрия Жукова» Фридмана (с интервалом в два месяца) вышла книга уже гораздо более серьёзная, абсолютно академичная, под названием «Чем Макиавелли важен: Путеводитель по Демократии на пути к гражданственности», в анонсе которой сказано:

«Для всех нас, живущих в демократической Америке и одновременно борющихся за сохранение нашей демократии, в мысли Макиавелли в первую очередь имеет значение та сумма индивидуальных и коллективных качеств, которые требуются от настоящего гражданина, и которую сам Макиавелли называл „добродетелью“ (virtu). Речь тут о таких разных качествах, как мужественность, отвага, находчивость, стремление к самосовершенствованию и даже стоическое принятие неизбежного...».

О том, какие значения – очень разные – вкладывал Макиавелли в это самое загадочное в «Государе» слово – virtu – написаны целые книги; об одном этом слове. Некоторые переводчики вообще в отдельных

местах макиавеллиева текста оставляли его без перевода – не знали, как же всё-таки его точно перевести, как не вложить в уста автора то, чего он в виду не имел.

Вдобавок, Макиавелли это своё излюбленное словечко применял не к жизненному настрою граждан или тем более целого народа (даже такого продвинутого, как американский), а к мотивациям, которые должен иметь один единственный Государь, берясь за те нелёгкие дела, о которых Макиавелли, используя для наглядности конкретные примеры, в «Государе» как раз и повествовал.

Забавно – правда ведь? – как этот американский профессор-новатор всё ненавязчиво перекрутил, готовя американский народ к грядущим нелёгким делам...

ВОЗВРАЩАЮСЬ к тому, с чего начал: к виноватым и к ответственности.

Виноват ли кто-то в создании явно незаслуженного «макиавеллианского» стереотипа? И правомерно ли, вообще, считать, что кто-то виновный в данной клевете обязательно должен быть? Мол: сначала кто-то, когда-то именно *оклеветал...* а потом уже все остальные принялись вторить, не задумываясь, сами не ведая...

Я не профессиональный историк, и не профессиональный юрист, и потому не мне судить. Я же могу только согласиться с мыслью, что у истоков всякой лжи всегда обязательно стоит какой-нибудь кардинал Поул, во плоти и во крови реальный

живой человек, вполне сознательно лгущий в корыстных интересах и своей Партии, и своих собственных.

Соответственно, если проследить всю цепочку распространения и постепенной мироощущенческой стереотипизации любой такой лжи, то чем ближе к истоку, тем больше будет появляться на экране локатора таких сознательных лжецов. И наоборот: чем дальше от нас отстоят истоки какой-нибудь «стереотипной» лжи, тем меньше среди нас самих преднамеренно, сознательно повинных в ней.

Но искать всех этих милых лжецов, выставлять на обозрение публики и оглашать обвинительный вердикт – дело, повторяю, не моё, а профессиональных историков и юристов.

Вот недавно папа римский признался, наконец, публично, что дело тамплиеров было сфабриковано Церковью. Значит, было на момент его покаяния, помимо него самого, сколько-то сознательных лжецов: это, как минимум, те, с кем папа обсуждал и принимал решение: будем сознаваться или нет?

А раз они многовековую тайну сегодня знали, значит, все семьсот лет, что утекли со времён того грустного и гнусного события, кто-то это знание правды в недрах папской курии хранил и передавал преемникам. И, значит, всё это время, вплоть до публичного выступления папы – все они, посвящённые, сознательно лгали и были в том очевидно виноваты.

Но всё-таки ничтожно это малое, как я уже говорил, количество людей в масштабах Человечества,

на протяжении веков, на всей планете. Хотя не уверен, достаточный ли это повод для амнистии, которая словно бы сама по себе, по умолчанию тут же от имени всего Человечества применилась к намеренно лгавшим папам со-товарищи.

Действительно категорично по этому поводу могу сказать только одно. Когда в обвинениях в чей-то адрес нарушены правила риторики и систематически используется, как сегодня говорят, чёрный пиар (настоящий профессиональный термин: чёрная *пропаганда*), тогда никакое справедливое суждение об этом человеке и уж тем более никакой качественный перевод его трудов невозможны без дотошного выяснения всех обстоятельств.

Люцифер в Аду

ПРАВИЛА риторики бывшие хулители макиавеллианских идей нарушали примерно одинаково и почти всегда одним и тем же образом.

Главные обвинения в адрес Макиавелли – преимущественно вариации на тему «Государя». «Государь» же – это короткий, вполне прозрачный и жёстко структурированный трактат чисто прикладного свойства, состоящий из цепочки однотипных блоков, каждый из которых выстроен по принципу:

- обозначен конкретный проблемный аспект управления государством;
- приведён пример решения проблемы такого типа в античности;
- приведён пример решения проблемы такого типа в новейшей истории (современной, естественно, Макиавелли);
- дан анализ приведённых примеров, показывающий, какие меры позволили решить проблему, а какие – нет.

Практические примеры в этих блоках, спору нет, полны безнравственности, вопиющих коварств и злодеяний. Но ни одно из них Макиавелли не выдумал из головы, не подсунил втихаря читателю. Все они почерпнуты из современной

ему и вполне обычной тогда международной дипломатической, политической и военной практики. Которую к тому же Макиавелли знал не просто так, по чужим книгам и рассказам, а изнутри, благодаря своему личному опыту многолетней службы в должности посла по особым поручениям флорентийского правительства.

Это значит, что Макиавелли в своей книге не учил ни какому-то невиданному в его время коварству, ни неслыханному тогда злодейству. Он просто наставлял готовившегося к большой политике очередного юного Медичи: Вот как сегодня в реальном мире на практике управляют государствами. Тебе в этом мире предстоит жить и править. Поэтому сии правила игры тебе непременно надлежит знать и соблюдать: иначе тебе и твоему народу наступит скорый и бесславный конец.

В таком случае, чтобы обоснованно, то есть достойно, не нарушая правил риторики, обвинить Макиавелли в пропаганде зла и насилия, нужно обязательно сначала последовательно, блок за блоком найти и привести верные доказательства того, что он в своих наставлениях мухлевал, передёргивал для пущего удручения факты, клеветал на власти предержащие и сам сочинял злодейства, которые потом выдавал за примеры из жизни.

Если же таких доказательств нет, если ничем таким Макиавелли всё-таки не занимался, и если отобранные и приведённые им конкретные примеры – независимо от степени их

злодейства и безнравственности – соответствовали действительности и правдиво и точно отражали тогдашнюю политическую теорию и практику, то тогда Макиавелли был не злодей, а действительно прекрасный знаток политических наук своего времени и посему дельный наставник для будущих государственных мужей.

Склоняюсь именно к этому мнению, потому что довольно долго специально искал и читал в том числе и критику в адрес Макиавелли. И пока ещё ни разу – *ни разу* – не встретил ни в одном из этих осуждений даже хотя бы просто предположение, что хоть что-то в прозвучавшей в «Государе» фактуре может быть неправдой. Во всех смертных грехах обвиняли Макиавелли, во всём, чём угодно – но только не в подложности выбранных им исторических примеров.

А значит, по правилам риторики нет пока и не может быть места всей этой хуле; пока можно только развести руками, вздохнуть глубоко и покачать печально головой: в какой жестокий, нелёгкий век и мир сей Никколо́ родился... Ну или вот по примеру Томаса Фридмана: взять да и начать его перечитывать, если уже подзабыл.

ТЕПЕРЬ перехожу к чёрной пропаганде («чёрному пиару»).

Самое краткое и доходчивое описание этого достойного рода занятий я для себя нашёл не в специальной, а в художественной литературе, в романе «Убийцы» Джойс Кэрол

Оутс. Часть этого романа – что-то вроде потока сознания постепенно и очевидно впадающего в безумие карикатуриста (чем и обусловлена рваность и некоторая внешняя бессвязность его речи). И вот в одном месте этот персонаж вспоминает выпущенный им когда-то отдельным альбомом сборник карикатур некоторых выдающихся личностей и восторгается тем, как он их всех там тогда *отделал* (повторяющиеся в тексте многоточия – авторские, отражают не разрывы в цитируемом тексте, а паузы в скачущей мысли персонажа):

Свести весь облик человека к одной-двум чертам, исказить их и уподобить животному... распластать на двухмерной доске объёмные и такие неуловимые контуры лица... это лёд и пламя в работе, это искусство карикатуриста... искусство нравоучителя... пуританское, безличное, беззаветное... даже временами, может быть, фанатичное. Это – мастерство. Мастерство работы с жизнью. Куда как более эффективное, нежели даже убийство как таковое. Высмеянные... униженные издёвкой... с выставленными напоказ тайными слабостями... секретами... Я сделал так, что человеческого в них почти не осталось, что они потому стали посмешищем, убить которое ничуть не жалко и не зазорно. Не зазорно их убить потому, что нечего в их нелепости жалеть... нелепы они, потому что никого их убийство за душу не возьмёт.

Применительно к Макиавелли это мастерство работы с

жизнью использовали, например, вот как.

Через все гневные приговоры, вынесенные Макиавелли, особенно Церковью, красной нитью проходят две его знаменитые «крамольные» мысли:

Цель оправдывает средства

и

Если выбирать между Раем и Адом – я предпочту Ад: там собеседники интереснее.

Это и есть главные, неопровержимые доказательства Макиавеллиевой считай что сатанинской безнравственности.

А на самом деле?

Про свой выбор в пользу интересных собеседников в Аду Макиавелли сообщил в свои самые последние часы собравшимся вокруг его смертного одра родным и друзьям. Сообщил, поделившись перед тем только что увиденным во сне: сначала привиделись ему люди истощенные и оборванные, которые на вопрос, кто такие и куда путь держат, ответили: «Мы праведники и дорога наша – в Рай»; а затем привиделись ему люди строгие и серьёзные на вид, в опрятных и дорогих одеждах, углублённые в обсуждение предметов государственных и философских, и среди них Платон, Плутарх, Тацит; они на тот же вопрос отвечали: «Мы проклятые из Ада».

И вот считается, по укоренившейся легенде, что именно после этого пересказа якобы увиденного сна Макиавелли и сказал свою знаменитую, ставшую такой проклятой в его ис-

торической судьбе фразу. (На бумаге, во всяком случае, сам Макиавелли её своей рукой не выводил.)

Что античных философов и политиков римская Церковь записала в свой христианский Ад – это понятно и более или менее известно всем. Но вот что Ад, в представлении и понимании таких людей, как Макиавелли, когда-то был для Человечества ещё и Аидом, Гадесом, или иначе всё тем же Адом, но в толковании не современной Церкви, а античных язычников – это уже от внимания нередко ускользает.

А ведь именно эта деталь имеет принципиальное значение для правильного понимания предсмертной шутки Макиавелли. Не зная, о каком именно аде он в данном случае вёл речь, понять, почему то была, скорее всего, именно шутка – не получится.

Различие же заключается в том, что наказание в Гадесе (Аиде) было гораздо менее изощрённым и трудоёмким, нежели в христианском Аду: в Гадесе совершивших неправедные поступки просто лишали возможности что-либо забывать – и всё. В отличие от них, все остальные безгрешные испивали воды из реки Лета, избавлялись таким образом с большим облегчением от памяти о жизни земной и отправлялись в Элизий (Рай), на Елисейские поля – фланировать и болтать милые светские беседы ни о чём.

Если кратко, то в античные, до-христианские времена главная разница между Раем и Адом была в том, что пребывавшие в Раю не имели памяти, а пребывавшие в Аду, *nolens*

volens, помнили всё (что справедливо, потому что и впрямь очень мучительно).

Ну и куда же тогда мог хотеть попасть сохранявший пока ещё свой здравый ум выдающийся, если не гениальный, историк, философ и правовед, который к тому же пол-жизни посвятил изучению и популяризации как раз этих самых античных времён?

Да и разве настолько уж сложно заметить, что этой до заурядного обычной в его устах античной аллегорией – ведь речь-то о Платоне, Плутархе, Таците – Макиавелли на самом деле сказал своим друзьям:

«А я вот всё равно считаю, что потеря памяти не облегчение и не награда, а сущее наказание!».

Другими словами – нет на свете ничего дороже, чем пребывать на равных в сообществе мудрых и знающих людей. Чего бы это ни стоило. Ничего не побоюсь!

Хорохорился, наверное, чуя Смерть уже совсем рядом. Всё ещё пытался выпендриться перед друзьями, как когда-то; уж он-то умел, а они, такие же, как и он, несгибаемые весельчаки – ценили. Хотел уйти и остаться в памяти – с шуткой, с улыбкой на устах, навсегда...

А ведь это и есть та самая трёхмерность человека, которую можно взять да и «распластать на двухмерной доске». Та самая человечность, с которой можно сделать так, что её «почти не останется». Останется – посмешище, нелепость, которые даже убить – и то не жалко, и не зазорно.

И будет такое осквернение человека более эффективно, «нежели даже убийство, как таковое». И будет оно поэтому ещё и более безнравственно. Особенно если знать, как вот в случае с Макиавелли, что уже своей рукой и на бумаге написал он как-то в письме приятелю вот такую недвусмысленную фразу⁸:

...считаю, что единственный надёжный способ найти дорогу в рай это – выяснить сначала, по какому пути попадают в Ад, и потом уже на этот путь не ступать.

Но пропаганда потому и пропаганда, и чёрная она тоже потому, что имеет, особенно в исполнении Церкви, вполне божественно-дьявольскую способность вспоминать и забывать, просто не замечать всё, что ей заблагорассудится, в любой момент, когда посулит ей сей райско-адский выверт какую-никакую выгоду.

С ПЕРВОЙ же фразой – про неразборчивость в средствах – и вовсе всё просто. Взята она – или точнее вырвана – из «Рассуждений...», Книга 3, глава 41.

Говорю «вырвана», имея в виду – вырвана из контекста. Ведь в этой главе Макиавелли высказывает вполне конкретную и довольно очевидную мысль: если Отечество в опасности, если ему реально грозит гибель, то защищать его можно и нужно любыми средствами; достойны они или нет – не

⁸ Перевод этой фразы сделан, к сожалению, не с оригинала, а с его перевода на английский язык.

имеет в этом случае никакого значения.

Казалось бы, тут и спорить не о чем. Любая Отечественная война – это первобытная злоба и последний яростный выпад загнанного в угол зверя, рвущего на куски всё и вся, изготовившегося убивать до последнего своего вздоха. Ему уже некуда бежать; выбор у него один: убей – или убьют тебя. Надо обмануть? Обманем. Надо перехитрить? Перехитрим. Надо сдать Москву врагу, заманить его в ловушку и Москву спалить? Сдадим, заманим и спалим. Надо бросить пару дивизий на верную смерть для отвлекающего удара? Бросим – и потом павших братьев помянем⁹.

На всё на это – никак не христианское – во все века во всех странах все церкви всех конфессий лучших сынов своих отечеств – благославляли. Благодарные потомки – ставили им памятники и писали их имена золотыми буквами на самом дорогом мраморе.

Доказательство же, что и имя Макиавелли вполне заслуживает той же славной участи, даже искать не надо: оно и так во весь рост стоит в последней главе, заключительным аккордом его якобы наипротивнейшей книги «Государь»:

Глава XXVI. Воззвание об овладении Италией и освобождении ее из рук варваров.

⁹ Точная цитата из текста «Рассуждений...»: *Всегда, когда приходится обсуждать вопрос, от которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает свободу.*

Если, как я говорил, чтобы проявилась мощь Моисея, необходимо было народу израильскому рабство его в Египте....то и сейчас, чтобы познать силу итальянского духа, должна была Италия опуститься до нынешнего предела, быть больше рабой, чем Евреи, больше слугой, чем Персы, больше рассеянной, чем Афиняне, быть без главы, без государственного закона, разбитой, ограбленной, истерзанной, опустошенной, претерпевшей все виды унижения. ...

...словно покинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы. Посмотрите, как молит она Бога о ниспослании того, кто бы спас ее от этих жестокостей и дерзости варваров. Посмотрите, далее, как она вся готова стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашелся человек, который его поднимет.

Не видно, на кого бы Италия в настоящую минуту могла больше надеяться, чем на ваш знаменитый дом; он... мог бы взять на себя долю освобождения. Это будет не так трудно, если вы вспомните деяния и жизнь тех, кто был назван уже раньше. ... Здесь праведное, великое дело: «Война... праведна для тех, для кого неизбежна, и оружие благочестиво в руках у тех, у кого уже ни на что не осталось надежды» (это цитата из Ливия, IX, 1. – А.Б.). ...

Не могу выразить, с какой любовью встретили бы его (нового Государя-освободителя. – А.Б.) во всех областях, по-

страдавших от нашествий чужеземцев, с какой жаждой мести, с какой несокрушимой верой, с каким благоговением, с какими слезами! Какие ворота закрылись бы перед ним, какой народ отказал бы ему в повиновении, как могла бы зависть стать ему поперек дороги, какой Итальянец не пошел бы за ним? Каждому из нас нестерпимо тошно от этого варварского господства. Пусть же ваш прославленный дом возьмет на себя этот долг с той силой души и надежды, с которой берутся за правое дело, дабы отечество прославилось под сенью его знамени и исполнились под его водительством слова Петрарки:

*Добл есть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще древняя храбрость
В итальянской груди.*

После такого чтения уже невозможно не понять, ради чего и с какой целью Макиавелли написал эту книгу. И точно так же обретают ясный смысл слова его соотечественника Томмазо Кампанеллы, такого же бунтаря духа и такого же борца за единство и свободу Италии, так же гонимого и мучимого властями (и того, и другого арестовывали, обвиняли в заговорах, пытали, заточали, грозили казнью, ссылали; с той лишь разницей, что Макиавелли свой срок пол-жизни и до самой смерти мотал в ссылке, а Кампанелла – 27 лет в тюрьме), становится вполне ясно, почему Кампанелла, меч-

тавший о городе Солнца, сказал:

Макиавелли превозносил добро и обличал зло... его необходимо почитать как ученого, совершенно понимающего вопросы политики.

Уж нам-то русским особенно; в нашей истории, в очень схожих условиях и даже почти в одно и то же время то, к чему Макиавелли со всей страстью призывал Медичи, называлось: собирать Русь.

ТАК ЧТО вина Макиавелли очень проста; он облёк всем очевидную истину в слишком ясную и честную словесную форму.¹⁰ И таким образом подставился, потому что обойтись по-«пуритански», «безлично», «беззаветно» с такой фразой ещё проще – и намного – чем с человеком. Всего-то надо оставить для публики от макиавеллиевых чеканных формулировок несколько нужных слов, из которых потом и получится искомое обвинение: «цель оправдывает средства», а из самого человека – *сведённый к одной-двум чертам облик, искажённый и уподобленный животному*. Прodelать всё это так не сложно; особенно когда обладаешь монополией на право всё остальное отправить в Ад. В надежде на то, что

¹⁰ Точная цитата из текста «Рассуждений...»: *Всегда, когда приходится обсуждать вопрос, от которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает свободу.*

отныне и во веки веков ни один праведный обыватель уже не сможет больше взять да и проделать эдакую-то глупость – свериться с оригиналом.

Причём, *отправить в Ад* – это не шутка и не сарказм. Это – каламбур, довольно печальный, но не просто русский, а франко-русский. Потому что во французском языке слово *l'Enfer* имеет два значения. Первое и главное – «Ад». А второе вот это:

На галерее, что опоясывает главный читальный зал библиотеки, сохранился архитектурный памятник, напоминающий о проводившейся ранее политике защиты католической морали: отгороженное металлической решёткой помещение за такой же зарешёченной дверью; здесь раньше находилось то, что тогдашние слушатели классического отделения семинарии называли: *l'infer*. А официально это место именовалось – «помещение Индекса». Здесь хранились издания, которые Священная конгрегация Индекса заносила в свой список (Индекс) запрещённых книг. Помещение это всегда было заперто, и доступ в него имели только священник-хранитель библиотеки, её сотрудники и те из священников, кто получал специальное на то разрешение. Ключи от хранилища имелись только у настоятеля семинарии и у священника-хранителя библиотеки. ... Чтобы получить возможность прочесть занесённую в Индекс книгу, нужно было заручиться письменным разрешением своего епископа и постоянно иметь эту бумагу при

себе. Если вас заставляли за чтением занесённой в Индекс книги, вам надлежало немедленно сдать её вашему священнику; в противном случае вы подлежали отлучению от Церкви. ... Практика занесения книг в Индекс просуществовала очень долго. Впервые она была введена со всей жёсткостью в 325 году на Никейском соборе: тогда запрету подверглась книга Ария «Талия». (Замечание по этому поводу см. чуть дальше. – А.Б.) С тех пор она оставалась в силе вплоть до II Ватиканского собора, состоявшегося в 1965 году, на котором Церковь постановила, что католики теперь уже достаточно зрелы и могут сами без посторонней помощи остерегаться неподобающего чтения. ... Сегодня в Семинарии в библиотечной картотеке на карточках книг, занесённых в Индекс, фигурирует подчёркнутая запись красными чернилами LIVRES À L'INDEX. Кроме того, такая же запись фигурирует и на титульном и заглавном листах внутри книги, чтобы читатель непременно знал, что, читая эту книгу, он обрекает свою душу на гибель. Книги эти теперь находятся в общем фонде... А архитектурный памятник мы сохранили, чтобы как следует напоминать молодёжи о существовавшей ранее в Квебеке и во всём мире практике...

Настоятели этой милейшей семинарии в прекрасном уголке Канады, как ни странно, несколько переборщили: первый полный список запрещённых книг, официально названный Ватиканом «Индекс», был издан гораздо позже Ни-

кейского собора – в 1559 г. Хотя, действительно, труд и мысль Ария на Никейском соборе запретили навсегда, и дальше ещё много что запрещали по ходу столетий, неутомимо и по всем направлениям. (В XIII веке, например, запретили под страхом мучительной кары – не духовной, а вполне физической – даже текст Священного писания иметь; всем, кроме священников. И даже им это право оставили лишь со многими запретительными оговорками. Скажем, текст на любом языке, кроме латыни, подлежал немедленному уничтожению, а при некоторых отягчающих обстоятельствах – и его хозяин тоже, не говоря уж об авторе.)¹¹

И ещё уточнение: церковные спецхраны отнюдь не только в этой канадской семинарии называли *l'Enfer*, а во всех франкоговорящих католических учебных заведениях – вплоть до середины прошлого (XX) века. И значение это по сей день фигурирует под номером вторым в статье, посвящённой слову *l'Enfer*, в главном французском энциклопедическом словаре.

НУ вот. После всех вступительных рассказов и пояснений можно, наконец, и показать, сколько сразу заблуждений в переводе становятся возможны, если не знать как следует историю про макиавеллизм в частности и про (не)простые

¹¹ См., например, Канон 14, принятый на Соборе в Тулузе, в 1229 г.; Канон 2, принятый на Соборе в Тарраконе, в 1234 г.; Канон 36, принятый на Соборе в Безье, в 1246 г.

стереотипы вообще. Только предварительно напомним: Люцифер это, во-первых, Светоносный или Утренняя звезда, во-вторых, Дьявол, в-третьих, в нескольких местах в Писании – Иисус Христос, и в-четвёртых – античный бог света и знания и у римлян, и у греков (Фосфор).

И вот теперь коротенькая фраза для перевода; имеется в виду, что приглашаю всех общими усилиями попробовать её перевести с русского на русский, причём обязательно держа в уме всё-всё вышесказанное:

Макиавелли – это Люцифер в Аду.

Надеюсь, что хватило мне сил и умения, и что читатель теперь легко со мной согласится: в нашем современном языке каждое из этих трёх слов – Макиавелли, Люцифер, Ад – стереотип; и у каждого из них есть свой очень значимый второй – мироощущенческий – уровень восприятия.

И вот что из-за этого получается.

Если бы прозвучала эта фраза из уст кардинала Поула, и если бы были мы его убеждёнными сподвижниками, то перевели бы мы её – то есть поняли – как:

«Никколо́ Макиавелли – это исчадие Ада (христианского)».

А если бы так сам о себе Макиавелли сказал, то получилось бы у нас, его поклонников, скорее всего, с едва заметной хитрованской улыбкой:

«Я как Утренняя звезда в Гадесе (языческом Аду)».

Если бы только была такая возможность, и существовал

бы сегодня по-прежнему интеллеktуал-арианин, или богомил, или Добрый Человек альбигоец – то есть последователь того самого, уже почти две тысячи лет в церковной анафеме пребывающего Арии, то вполне могло бы зазвучать и вот это:

«Он защищает нашего Иисуса Христа, а они (кафолическая Церковь) тем не менее почему-то считают, что могут заточить его в Ад (наш, христианский).» (Не забыли ещё? – «Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем...»).

В восторженных стихах какого-нибудь пламенного юноши с возрожденческими настроениями сложилось бы, хоть и не совсем корректно ввиду смешения разных культовых мифов и легенд:

«Этот Человек – подобен (языческому) Богу света и знания, которого пытаются заточить в Ад (христианский)».

Ну а в моём, лично, рассказе читатель, тщуь надеждой, и сам догадался:

«Труды Светоносного, запертые в церковном спецхране,» – хотя не стану отрекаться, если кто припишет мне и любой из остальных предложенных вариантов «перевода», кроме, конечно, кардинальского.

И вот если только читатель все эти очень разные варианты «перевода» принял легко и без внутренних возражений, как правильные, то получилось такое счастливое единомыслие потому, что на втором уровне всех этих очень разных ми-

роошущенческих и цивилизационных восприятий мы, как и подабаёт профессиональным переводчикам с кавычками и без, прежде, чем судить и делать публичные заявления, разобрались во всех соответствующих контекстах. Другими словами, все мы, и я, и мои читатели, всё необходимое для таких множественных пониманий – или удачных «переводов» – знали; одинаково и заранее.

Но в том-то и беда, что такое одинаковое знание всеми и всего случается крайне редко. А вот когда *не* знают, не всё, или не одинаково, или не все, случаются порой заблуждения действительно страшные.

Причём написал я *действительно страшные* отнюдь не для красного словца; наоборот, вполне осознанно, и с большой грустью. И чтобы стало понятно почему, приглашаю читателя для начала прикрыть глаза и послушать вслед за мной вот такую отчасти выдуманную историю.

Логия этимона: «Он упал, засмеялся и умер»

ЭТИМОЛОГИЯ. Казалось бы – совсем невинная часть лингвистической науки, а ведь какие неожиданные чувства может она пробуждать у некоторых моих коллег-филологов. Во всяком случае у тех из них, кто любит заниматься «изучением настоящего» в слове или, иначе, постижением его истины – если исходить из многозначности греческих слов *этимон* и *логия*.

Вот представим себе, что в каком-нибудь древнем монастыре где-нибудь на севере Испании какой-нибудь ещё совсем юный послушник-школяр, с радостью готовящийся в монахи и попутно увлекающийся этимологией, задумался о происхождении смысловых связей между понятиями *геноцид*, *варварство* и *вандализм*. А интерес у юноши возник, скажем, потому, что он вычитал в одной книге о том, как:

(...на созванной в Мадриде в 1933 году) 5-й Конференции по унификации уголовного права польский юрист – криминолог профессор Рафаэль Лемкин (Лемке) предложил объявить действия, направленные на уничтожение или разрушение расовых, этнических, религиозных и социальных сообществ, варварским преступлением по международному праву... Он разделил такие действия

на две группы правонарушений:

– *акт варварства*, который выражается в посягательстве на жизнь людей или же подрыве экономической основы существования данной группы лиц;

– *акт вандализма*, выражающийся в уничтожении культурных ценностей....

И ещё из той же книги послушник узнал, что через 10 лет, в 1944 г., профессор Лемкин опубликовал работу *Axis Rule in Occupied Europe* и уже в ней «варварское преступление по международному праву» сформулировал более конкретно, как понятие *геноцида*.

Это определение в 1946 г. было использовано и закреплёно Международным военным трибуналом в Нюрнберге под названием «Преступления против человечности», а ещё через два года – уже под собственным названием в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Вот, значит, исходя из всего прочитанного, наш молодой любознательный послушник, большой, повторяю, любитель филологии и особенно *логики этимона* – истины в слове, настоящего в нём – и загорелся идеей выяснить, где корни преступления против человечности – варварского преступления по международному праву – геноцида; другими словами, что есть настоящего, истинного в варварстве и в вандализме.

И приступил к изысканиям.

ЧТО Рим брали штурмом в 410 году варвары под предводительством Алариха, что в 455 году он был отдан вандалам на поток и разорение, и что в результате не то одного, не то другого события Римская империя пала под натиском варваров, а Рим был разрушен чуть ли не до основания, наш юный исследователь уже знает и так, хотя никогда и не задумывался – откуда у него это знание?

Кто такие варвары, он себе тоже примерно представляет (образ у него в голове не очень далёк от того, что показывают обычно в кино и по телевизору: буйные лесные дикари в звериных шкурах, со зверскими же выражениями на бородатых лицах; всегда очень чумазные и, видимо, сильно вонючие).

И потому принимается он для начала выяснять: а кто такие – вандалы?

Ну, во-первых, германское племя (как и варвары, значит). Во-вторых, уже несколько неожиданно – в Африке; хотя удивление спадает, когда выясняется, что в те времена северная Африка ещё доживала свой век богатейшей провинции, главной житницы Римской империи.

И вот это германское племя вандалов через южную Европу прошло, в богатую Африку переправилось и там, успешно повоевав, заключило с римлянами в 435 году мирный договор. Получило по нему статус федератов Западной части империи и провинцию Нумидию в своё распоряжение.

(Послушник из этого попутно заключил, что коли Рим в

435 году был юридически дееспособен, значит, в 410-м он пасть не мог никак.)

В 442 году вандалы, стремясь получить выход к морю, силой присоединили к Нумидии ещё и Карфаген вместе с его средиземноморским побережьем. А всего через тринадцать лет после этого (т. е. именно в 455 году) дикое германское племя уже имело собственные королевство и военный флот, достаточно обученный и большой для того, чтобы пересечь Средиземное море, доставить в устье Тибра экспедиционный корпус (который совершил марш-бросок и как раз и взял город Рим), а потом эвакуировать этот корпус с богатейшими трофеями обратно в Карфаген.

Представить, что построить такой флот, укомплектовать и обучить морскому делу экипажи, обеспечить всю необходимую логистику и с безупречной военной дисциплиной провести крупномасштабную военно-десантную экспедицию смогли дикари в шкурах – конечно же, не совсем легко (у Наполеона вот, из точно такой же затеи ничего не получилось). Тем более, что ещё через тринадцать лет вандалы в одном и том же сражении, одновременно на море и на суше наголову разбили такой же экспедиционный корпус римского императора, прибывший из Византии – крупнейшую армаду из всех известных миру в ту пору.

Дотошный послушник очень сильно недоумевает: ведь получается, что и в 455 году Рим ещё вовсе не пал; и потому, конечно же, копает дальше. И выяснет по ходу дела из мему-

аров выдающегося современника, воевавшего с вандалами и знавшего их не понаслышке (перевод А. Чекаловой):

В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды [...] Все эти народы... отличаются друг от друга только именами, но во всем же остальном они сходны. Все они белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид; у них одни и те же законы и исповедуют они одну и ту же веру. Все они ариане и говорят на одном языке, так называемом готском...

Значит, не германские племена, а точнее: готские? Со своими одинаковыми законами, своей арианской верой, своим одним общим языком? Хороши на вид? То есть всё-таки не лохматы и не вонючи? А кто тогда *они* такие – готы?

Добавлю от себя чисто лингвистический комментарий.

На примере «Люцифера в Аду» можно было убедиться, что одна и та же фраза из уст и в восприятии разных людей может означать очень разные вещи.

Но справедливо и обратное: разные люди могут очень по-разному описать одно и то же. Про одного и того же человека – например, Наполеона Бонапарта в день коронации – его злонамеренный хулигатель, благожелательный комментатор и верящий в объективность науки историк скажут каждый по-

своему:

– «Наделённый верховной властью правитель Франции в парадном костюме с длинным шлейфом, искусно сшитым из многих тщательно выделанных шкурок пушиного зверя редкой породы». (Академичная версия.)

– «Император в горностаевой накидке». (Свидетельство очевидца.)

– «Дикарь в звериных шкурах». (Злопыхательство отъявленного монархиста.)

О ГОТАХ уже другой, но тоже выдающийся современник, написал (перевод Е.Скржинской):

Когда вышеназванные племена (готов)... жили... в Скифии у Мэотиды, то имели, как известно, королем Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, – Залмоксеса, о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта, а после него Дикиней... К тому же не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам, как передает Дион, составивший их историю и анналы по-гречески.... По вышесказанной причине готы были восхвалены до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах поэтов богом войны, появился именно у них...

Вожди варварские – обладали замечательными познаниями в философии?

Варвары – образованные настолько, что по свидетельству самих греков чуть ли не равны им? Восхваленные за то до такой степени, что даже место появления цивилизованного Бога Марса признано – среди них?

Так ведь и это ещё не всё.

...Аттила задумал покорить себе две первые нации в мире – римлян и вестготов.

Варвары, готы – одна из первых двух наций в мире, равная самим римлянам?

Кто ж сегодня с чистой совестью возьмётся судить об этом наверняка... Но вот союзниками римлян готы были точно; или, как римляне в своих договорах с такими нациями писали: федератами, поступившими на военную службу Империи. Первый такой договор с готами римляне заключили в 322 г., а самый значимый – уже в правление императора Феодосия I Великого – в 382 году. Готы тогда, благодаря отвоёванным выгодным условиям, расселились во Фракии и Македонии, бок о бок со славянами. И именно там, на территории нынешней Македонии, в городе Охриде у славян и готов образовалась тогда одна из древнейших христианских патриархий, сохранявшая на протяжении многих веков свою независимость от государственной римской Церкви.

С тех пор и на протяжении почти ста лет готы составляли всю конницу – то есть элитную часть – в армиях императоров. И служили у них генералами, даже командующими армий. А некоторые и вообще становились дуками; по-современному – герцогами, генерал-губернаторами целых провинций.

В 418 году у готов даже образовалось на территории империи своё собственное, союзное императору королевство в Аквитании, со столицей в Тулузе, которое чуть позже уже занимало примерно половину – юго-западную – нынешней Франции и север, а со временем и вообще почти всю территорию нынешней Испании.

И тот союз был явно не только на словах: в 451 году готский король Теодорих вывел на Каталаунские поля (чуть восточнее нынешнего Парижа) свои полки плечом к плечу с галльско-римскими отрядами под началом Флавия Аэция, и вместе они разбили в состоявшемся сражении... Аттилу. Самого Аттилу! – непобедимого и страшного царя гуннов; настоящего «Тамерлана» той эпохи. А ещё через три года готы и вовсе выгнали гуннов из пределов Римской империи, окончательно и навсегда.

ЕЩЁ, как с самого начала знал школяр, иногда за момент крушения Римской империи выдают события 455 года – это когда вандалы на своих кораблях пересекли Средиземное море, высадились в Италии и совершили молниенос-

ный рейд на Рим. Однако, покопавшись в книгах, школяр выяснил, что на самом-то деле вандалы при том легендарном взятии Рима ничего не жгли и никого не убивали и не терзали. Наоборот: освободили из неволи законную невесту своего королевича и её мать, и доставили их в целости и сохранности к жениху; заодно забрали из Рима и привезли домой всё ценное в счёт наследства-приданого, причитавшегося за невестой после гибели её отца – законного римского императора, павшего жертвой цареубийц и самозванцев.

Эта невероятная история произвела на школяра такое сильное впечатление, что он даже кратко законспектировал её себе в тетрадь:

«Свидетельства об этих событиях оставили многие современники и авторы раннего Средневековья: Сидоний Аполлинарий, Проспер Аквитанский, Виктор Туннунский, Прокопий, Иоанн Антиохийский, Павел Диакон и др.; одно из первых новейших описаний ещё в XVIII веке предложил Гиббон (см. у него главу XXXVI). В зависимости от своих политических пристрастий и личных симпатий все эти авторы использовали каждый свой стиль изложения (оправдывающий или, наоборот, осуждающий) и предлагали иногда диаметрально противоположные толкования намерений главных действующих лиц. Но все согласны с определённой последовательностью событий. Она такова.

1. Предистория.

В 442 году король вандалов Гейзерих заключил мирный договор с императором Западной империи Валентинианом III (двоюродный брат Восточного, византийского императора Феодосия II). По этому договору император официально признал Королевство вандалов и аланов, в силу чего король Гейзерих стал его союзником. Свой союз они скрепили помолвкой детей: старшей дочери Валентиниана Евдокии и королевича-вандала Хунериха; таким образом государи заложили основу имперского брачного союза, который единственный мог дать законного наследника династии Феодосиев (других прямых наследников Феодосия I Великого, годных на суверенный престол, тогда уже не оставалось). Союз представлялся тем более весомым и значимым, что ему всячески способствовал фактический правитель Западной империи при Валентиниане – знаменитый полководец, всевластный Флавий Аэций.

С того дня и вплоть до гибели Валентиниана весной 455 года король Гейзерих строго соблюдал заключённый союзный договор.

2. Причина нападения.

В 453 году Аэций, незадолго до того вместе с королём готов Теодорихом победивший Аттилу, устроил помолвку своего сына Гауденция с младшей дочерью императора Валентиниана, сестрой невесты Хунериха Галлой Плацидией. Соперников Аэция такое чрезмерное усиление и без того грозного конкурента

крайне встревожило, и на следующий год Аэций был убит – в результате дворцовой интриги, с ведома и по решению императора, одураченного врагами Аэция.

(Сразу после убийства у Валентиниана якобы состоялся вот такой диалог с одним из его приближённых:

Валентиниан: Не правда ли, смерть Аэция прекрасно исполнена?

Приближённый: Прекрасно или нет, не знаю. Но знаю, что вы левой рукой отрубили себе правую.)

Валентиниан допустил и ещё один роковой промах: соблазнил – или, возможно, изнасиловал – жену сенатора Петрония Максима, влиятельного патриция, бывшего консула. Подстрекаемый своим окружением к мести Петроний Максим встал во главе заговора, легко организовал весной 455 г. убийство теперь уже беззащитного Валентиниана и тут же был провозглашён императором, хотя никаких прав на то не имел. Далее, чтобы придать своему императорству хотя бы видимость законности, он угрозами принудил вдову Валентиниана Евдоксию (дочь византийского императора Феодосия II) вступить с ним в брак, а её старшую дочь Евдокию тоже силой обручил со своим сыном Палладием, хотя имперская наследница уже давно была официально помолвлена с сыном короля вандалов Хунерихом. В результате возникла реальная угроза, что законная династия Феодосиев пресечётся.

Поскольку в Византии уже правил император Маркиан, к династии Феодосиев не принадлежавший, и

потому надежды на его заступничество не было, вдова убитого императора Евдоксия через доверенных лиц обратилась за помощью к королю вандалов Гейзериху – многолетнему союзнику своего покойного мужа и его соратника Аэция, отца законного жениха её дочери.

3. Нападение

Гейзерих тут же поднял по тревоге и лично возглавил экспедиционный корпус, который незамедлительно погрузился на корабли и отправился в путь (с момента провозглашения самозванца Петрония Максима императором не прошло и трёх месяцев). В последний день мая 455 года Гейзерих с войсками появился под стенами Рима.

Организовать оборону города самозванец Петроний Максим не сумел и в начавшейся панике был растерзан перепуганной толпой; его изувеченный труп бросили в Тибр. В силу дальнейшего развития событий Петроний Максим оказался таким образом чуть ли не единственной человеческой жертвой этого конкретно „падения Рима“.

Навстречу вандалам вышла мирная процессия горожан во главе с папой Львом I. В результате по соглашению, достигнутому между папой и Гейзерихом, вандалы „воздержал(-ись) от огня, резни и казней....в течение следующих четырнадцати дней в ходе беспрепятственных и свободных розысков Рим был лишён всех своих богатств, а также вместе с царицей и её детьми в Карфаген были уведены многие тысячи

пленников“».

Нетрудно представить, какое смущение вызвали в юной душе такие чтения и находки. Особенно если иметь в виду, что далее у школяра есть приписка к конспекту про вандалов, явно сделанная спустя какое-то время:

Через 800 лет крестоносцы точно так же подчистую ограбили Константинополь, который был к тому же несопоставимо богаче полупровинциального в 450-х гг. Рима и на несметные богатства которого у крестоносцев никаких законных прав не было – в отличие от вандалов, у которых хотя бы имелась к римлянам вполне обоснованная и справедливая династическая претензия. И всё равно даже уже во вполне зрелой и просвещённой христианской традиции – в конце XVIII в., когда французский аббат Грегуар и ввёл в оборот термин «вандализм» – на роль легендарно-показательных грабителей-беспредельщиков выбрали всё-таки не вполне заслуживших эту «честь» единоверных монахов-рыцарей, а «поганных» «варваров».

СЛЕДУЮЩИЙ год, который тоже иногда называют как дату, когда якобы прекратила своё существование Римская империя – 476-й: в тот год случилось низложение очередного Западного императора Ромула Августула. Но и это событие происходило, во-первых, отнюдь не во всей Римской империи, а только в её западной части, а, во-вторых, совершилось оно вполне мирным способом, вовсе не навечно (об этом чуть позже) и вообще при весьма тесном взаимодей-

ствии готов и руководства всей Римской империи.

Восточный, или Византийский, император был в ту эпоху подчинённого двойного императорства как бы главным императором всей Римской империи – и её Западной, и её Восточной частей; а уже его волей – по крайней мере формально – назначался или снимался с должности (легитимировался) «вассальный» император Западной, собственно «римской», части империи.

Столицу единой, ещё не делёной Римской империи в начале IV в. перенёс в греческий город Византий (впоследствии Константинополь, у нас часто Царьград, и ныне Стамбул) император Константин I Великий, тогда же узаконивший в Империи христианство. В первое время Византий даже именовался, хотя и недолго, Новым Римом, а старый Рим остался местом нахождения папского престола и столицей Западной части империи, сформированной в 395 г. по решению Феодосия I Великого. Позднее, в 402 году столица Западной империи была из Рима перенесена в Равенну.

Так что к моменту событий, связанных с появлением и пребыванием в Италии готов (410–550 гг), Рим уже не был столицей даже Западной части империи и потому ещё представлял какую-то символическую ценность только для папы римского. А он в IV–VI вв. по статусу и полномочиям ещё практически ничем не отличался от всех остальных архиепископов большой Империи, и потому именно

ему, более, чем кому-либо другому, было выгодно, чтобы Римская империя если не пала, то хотя бы считалась павшей: это событие избавило бы его от законного главенства имперских патриархов и правления равеннских бюрократов; у него были бы развязаны руки для открытой, в том числе и силовой борьбы за верховенство в христианском мире.

По этому поводу у иколяра в специальной тетради, в которой он по ходу изыскания делал всяческие выписки, есть и вот такая, отдельная страничка:

«Тема: Одна из причин, по которым появилась и до сих пор сохраняется путаница в вопросе о том, что же такое „Римская империя“, и когда она „пала“

Ближе к концу VIII века папская курия в Риме ввела в оборот документ, называемый по имени императора Константина Великого *Donatio Constantini* или „Константинов дар“ (у нас в русском обиходе его принято называть „Вено Константиново“. – А.Б.).

В соответствии с этим документом император Константин перед смертью, в момент своего крещения передал в дар и в управление главе Церкви в Риме всю Западную часть своей империи, со столицей в Риме же, и одновременно отдал ему императорские инсигнии и утвердил его главенство над всеми главными кафедрами империи: в Иерусалиме, в Александрии, в Антиохе и даже в Константинополе, а за собой оставил только Восточную часть империи.

На этом якобы законном основании папа Лев III в 800 году на торжественной рождественской

мессе провозгласил своего главного защитника и сторонника – короля франков Карла Великого – „Императором римлян“.

Но через семьсот лет, в середине пятнадцатого века неаполитанец Лоренцо Валла доказал (в 1517 году его доказательство было опубликовано отдельной книгой): документ, озаглавленный *Donatio Constantini*, реально никогда не существовал, это фальшивка, которую папская курия изготовила, дабы задним числом легитимировать свои притязания на власть в мире.» (Возможно, что и поэтому тоже – а не просто потому, что, вроде бы, не хотел портить отношения с Константинополем – Карл Великий предпочёл папским изобретением – торжественным титулом – не пользоваться и сам себя никогда так не величал. – А.Б.)

В конце же странички у школяра записана цитата из Википедии, против которой он на полях написал латинские буквы NB, потом подчеркнул их два раза, сопровождал парой восклицательных знаков, и ещё как-то неожиданно беспечно пририсовал к ним большой смайлик. Уж не знаю, какую такую особую важность он хотел взять на заметку, но зато смайлик его понимаю, поскольку цитата вот такая:

«При Константине продолжилась дальнейшая варваризация армии.»

В 476 г., свергнув в Риме очередного императора-само-

званца, коим Ромул Августул несомненно являлся, один из готских полководцев на службе Империи – Одоакр – и римский Сенат (как бы парламент западной части римской империи) послали к главному, Восточному (византийскому) императору Зенону послов с совместной просьбой прекратить давно себя изжившее двойное – западное и восточное – императорство. Зенон их просьбу после некоторых раздумий более или менее уважил: предоставил Одоакру титул патриция и право управлять Италией, однако потребовал, чтобы Одоакр всё-таки признал в качестве Западного императора конкурента только что изгнанного Ромула Августула – Юлия Непота, правителя Далмации. Но признание это было чистой формальностью, поскольку Юлий после событий 476 года в Италии не появлялся и ни на какую реальную власть в ней не претендовал.¹²

¹² Пышный титул Западного императора Юлий получил в 474 г. по-родственному, от своего дяди и одновременно тестя Зенона – Восточного императора Льва I. Этим и объясняется прозвище Юлия «Непот» (лат. – *племянник*; отсюда происходит современный термин *непотизм*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.